

ГАНКАР М. А. — в ПОМПОЛИТ, ВЦИК

ГАНКАР Макс Альфредович, родился в 1871 в Льеже (Бельгия). Получил высшее техническое образование, инженер. Проживал в Москве, работал старшим инженером при Президиуме Теплотехнического института. В начале июля 1929 — арестован, 24 июля приговорен к ограничению проживания на 3 года (-6).

В августе обратился с заявлением в Помполит и ВЦИК, отправив копии и в другие организации.

<1 августа 1929>

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ

Инж<енера> Макса Альфредовича
Г А Н К А Р, проживающего на
Арбате, д<ом> 47, кв. 3

ЗАЯВЛЕНИЕ

Препровождая при сем копию заявления, адресованного мной I/VIII - с<его> г<ода> во ВЦИК СССР, прошу изложенное в этом отношении ходатайство поддержать.

М. Ганкар»¹.

«В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОЮЗА ССР

Копия: НК РКИ, НАРКОМИНДЕЛУ,
Политическому Красному Кресту,
Председателю Госплана СССР,
Председателю ВСНХ СССР и
Председателю Коллегии НТУ

Бельгийского подданного,
старшего инженера при Президиуме
Теплотехнического Института
Макса Альфредовича ГАНКАР,
проживающего на Арбате д<ом> 47, кв. 3

З А Я В Л Е Н И Е

В среду 24-го июля с<его> г<ода> мне было объявлено О<тделом> ЦР ОГПУ, что мне воспрещено в течение трех лет проживать в шести главных городах СССР.

Постановление ОГПУ принято после одного лишь допроса, состоявшегося в февралье месяце с<его> г<ода>, на который я был вызван, как мне казалось, в качестве свидетеля.

После допроса судебный следователь объявил мне, что я обвиняюсь по трем статьям Закона, но, получив от него уверения в том, что меня вызовут вторично для допроса, я был убежден, что, если делу будет дан ход, я буду иметь возможность осветить более подробно то отношение, которое я могу иметь к поставленным мне в вину действиям, и поэтому я

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 365. С. 178. Машинопись.

отнесся к заявлению судебного следователя спокойно, тем более, что вины за собой никакой не чувствую.

Административная ссылка в отношении меня приобретает особо тяжелый характер: мне 58 лет, я слепой и могу заниматься умственным трудом исключительно в обстановке, в которой я был до сих пор, т<о> е<сть> служба в тех учреждениях, где мои познания были полезными и с помощью надлежащего сотрудника.

При отсутствии этих условий я становлюсь совершенно к труду неспособным.

В довершение всего я живу здесь один, так как вся моя семья находится в родном городе Льеже в Бельгии (сам я Бельгийский подданный).

Мое домашнее хозяйство также основано на помощи окружающих меня людей, и переселение мое в другой город оставляет меня почти без помощи. Последний факт, если вдуматься в действительно создающуюся для меня обстановку, является, можно сказать, бесчеловечным.

Прошу обратить особое внимание на это последнее обстоятельство: принятые против меня меры превосходят несомненно все то, что можно придумать и могут объясниться только тем, что принявшие решение лица не задумались над последствием этой меры в данном случае и при специальных условиях, в которых я нахожусь.

Кроме того, если даже остаться в убеждении в том, что я в чем-нибудь виновен (что я категорически отрицаю), дело, о котором идет речь, не имело, как я мог понять, никаких вредных последствий для СССР, тогда как вся моя деятельность в продолжении 31 года была посвящена развитию каменноугольной промышленности в России и особенно, с 1904 года к созданию этой промышленности в Подмосковном Бассейне.

Все те, которые знакомы с историей этого месторождения, знают, что, если в данное время Правительство имеет возможность создать в Центральной Области топливную базу, обещающую быть мощным источником энергии и сырья для развития хозяйства страны, то это благодаря упорному труду, приложенному мной в течение 15 лет, чтобы доказать пригодность этого угля, возможность его применения и будущность, которая ожидает весь Подмосковный район.

Страшная угроза, висящая надо мной, позволяет забыть всякую скромность и заявить, что, если ставить на весы правосудия, с одной стороны, обвинение, мне предъявленное, а, с другой стороны, всем известные и всеми признанные мои заслуги перед страной, то никто не сможет сказать, что моя просьба разрешить мне, вместо того, чтобы быть отправленным в ссылку на 3 года, — уехать на родину (тем более, что я слепой и ни к какому труду в ссылке не способен самостоятельно) — была бы непомерно велика.

На основании изложенного я прошу о замене наложенной на меня административной кары — высылкой меня на родину, если, разумеется, дальнейшая моя работа в тех же условиях, как и до сих пор, будет признана неприемлемой.

Ввиду того, что мне дан лишь двухнедельный срок для выезда, прошу мое заявление рассмотреть неотлагательно.

М. Ганкар

1/VIII - 29»².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 365. С. 179. Машинопись, подпись — автограф.